

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Суминой Натальи Владимировны «Семантические и прагматические характеристики психотерапевтического дискурса» (Нальчик, 2016), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Рецензируемое диссертационное исследование посвящено исследованию и описанию языковых характеристик психотерапевтического дискурса, проявленных в его основных жанровых воплощениях, и соответствует паспорту специальности 10.02.19 в области исследований: «7. Дискурс. Дискурс и текст. Дискурс и диалог. Порождение vs. понимание».

Комплексная теоретическая разработка **объекта исследования** – психотерапевтического дискурса – в лингвистическом плане и с позиций современного языкознания еще не проводилась, хотя следует отметить, что в рамках психологии уже была установлена его лингвистическая релевантность. При этом следует подчеркнуть, что психотерапевтический дискурс определяется как разновидность собственно терапевтического дискурса, преимущественно совпадающего по своим целям с медицинским дискурсом, и получившего значительный исследовательский интерес в зарубежной науке, обусловленный приоритетами, ценностями и стереотипами западного типа общества. Тем не менее, соискателю удалось найти свой ракурс анализа эмпирического материала, позволивший последовательно и аргументированно доказать гипотезу диссертации, согласно которой *«психотерапевтический дискурс выделяется на основе определенных признаков, может быть объективно описан с помощью специальных методов лингвистического анализа, распадается на определенные жанры, имеет присущие ему языковые способы выражения»* (дисс., с. 4).

Сказанное объясняет несомненную **актуальность** рассматриваемой работы как в плане исследуемого эмпирического материала, так и построения его теоретической модели и описания, соответствующего задачам и требованиям современной дискурсологии. Использование в диссертационном исследовании наряду с традиционными методами языковедческих изысканий современных – концептологического анализа и дискурс-анализа – позволило диссертанту своевременно и вполне корректно сформулировать **положения**, вынесенные на защиту, и последовательно раскрыть и обосновать их в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Особо отметим теоретическую ценность третьего положения, в соответствии с которым *«Цель психотерапевта – быть эффективным целителем – достигается применением соответствующих коммуникативных стратегий:*

интерпретативной, организующей и объясняющей. Интерпретативная стратегия составляет основу механизма психотерапевтического семиозиса» (дисс., с. 8).

Необходимо также подчеркнуть значимое для данной работы и во многом определяющее ее специфику утверждение из второго положения, выносимого на защиту, в отношении опорных концептов психотерапевтического дискурса: *«его системообразующие концепты – психика, душа, психотерапевт. Концептуальное пространство психотерапевтического дискурса формируется как специфическими концептами, характерными для данного типа общения (бессознательное, личностный рост), так и концептами, являющимися общими для психотерапевтического дискурса и других типов общения, но получающими специфическое преломление в данном дискурсе (жизнь – смерть, любовь, страдание и др.)»* (дисс., с. 8).

В целом можно утверждать, что **цель и задачи** диссертационного исследования соответствуют выносимым на защиту положениям, раскрытие которых на основе предлагаемых подходов и принимаемых методологических и исходных теоретических посылок в основном заслуживает одобрения и поддержки.

Достоверность теоретических результатов исследования подкрепляется библиографией, включающей 280 научных источников, на основании которых автором сделаны многие обобщения и выводы, а также широтой и разнообразием эмпирической базы исследования – около 2000 текстовых фрагментов психотерапевтического дискурса на русском и английском языках.

Научная новизна выполненного исследования заключается, во-первых, в выделении и описании комплекса системообразующих признаков психотерапевтического дискурса; во-вторых, в исследовании прагматической природы психотерапевтического диалога через выявление коммуникативных средств его реализации, в-третьих, в выделении и представлении базовых и периферийных жанров психотерапевтического дискурса.

Теоретическая значимость рассматриваемой диссертации состоит в том, что данная работа вносит вклад в интеграцию теории коммуникации и общей теории дискурса, а также в разработку теории психотерапевтического дискурса.

Исследование Н.В. Суминой следует признать ценным и в **практическом** плане: полученные автором результаты должны найти применение в курсах по теории языка, дискурсологии, общей и частной стилистике, а также использованы при лингвистическом анализе художественного текста.

Результаты диссертационного исследования прошли достаточную **апробацию** на конференциях различного уровня как в России, так и за рубежом.

Анализ списка публикаций (14 тезисов и статей, в том числе 8 в изданиях, входящих в список ВАК) и прочтение автореферата позволяют сделать вывод, что все основные положения диссертации были представлены научной общественности.

Структура работы полностью соответствует теме и цели исследования. Диссертация состоит из Введения, двух глав, посвященных, соответственно, общей характеристике психотерапевтического дискурса (дисс., с. 12 – 64) и представлению языковых характеристик психотерапевтического дискурса в текстах различных жанров (дисс., с. 65 – 135), Заключения (дисс., с. 136 – 143), Библиографии, Списка словарей и справочников и Списка основных источников иллюстративного материала.

В результате данной организации материала исследования в диссертации первое и второе выносимые на защиту положения находят свое обоснование и доказательство в текстовом пространстве первой главы. Здесь особо подчеркнем значимость теоретического обобщения, сделанного автором работы, согласно которому *«Психотерапевтический дискурс сближается и с дискурсом религиозным, причем точки пересечения также находятся в круге целей и ценностей. <...> При описании возникновения личностных проблем религиозный дискурс оперирует такими концептами, как грех, вина, наказание, искупление, покаяние, психотерапевты же опираются на интеллектуальные психологические теории, а также на психиатрические представления о психическом здоровье, норме и патологии»* (дисс., с. 23 – 24).

Существенным для концепции, разрабатываемой в диссертации, выступает положение соискателя, в соответствии с которым *«обобщая сопоставление психотерапевтического дискурса с другими типами общения, констатируем следующее. Содержанием психотерапевтического дискурса является внутренний мир человека, его чувства, значимые переживания, экзистенциальные смыслы. Это сближает психотерапевтический дискурс с дискурсом художественным. Очевидна также историческая и этимологическая связь описываемого типа общения с медицинским дискурсом. С точки зрения целей и ценностей психотерапевтический дискурс близок дискурсу религиозному, так как клиент обращается к специалисту с целью облегчить душу, получить утешение. Однако психотерапия оперирует интеллектуальными психологическими теориями. Психотерапевтический дискурс противопоставлен дискурсу научному по линии субъективности – объективности»* (дисс., с. 29).

Важным для представления содержания первой главы выступает сделанный соискателем вывод о том, что *«Психотерапевтический дискурс обладает*

метафорическим характером. Психическая реальность клиента номинируется различными языковыми знаками: психика, душа, психэ, душа-психея. В русскоязычном психотерапевтическом дискурсе именно лексема душа получает наиболее полное метафорическое переосмысление: душа представляется как живое существо, а также «многокомпонентное» вместилище жизни и смерти. Другой ведущей метафорой психотерапевтического дискурса является метафора жизнь как текст» (дисс., с. 64).

Третье, четвертое и пятое положения, выносимые на защиту, достаточно убедительно аргументируется в содержании второй главы. На наш взгляд, следует отметить всесторонне обоснованный вывод соискателя, констатирующий, что *«Психотерапевт воздействует на субъективную реальность клиента, моделируя совместно с ним новые значения и смыслы. Психотерапевтический дискурс есть пример коммуникации, в результате которой целенаправленно изменяется система личностных оценок субъекта. Механизмом психотерапевтического семиозиса является установление диалога сознания клиента с бессознательным содержанием определённой проблемы. Воздействие психотерапевта осуществляется через анализ языковых форм, формирующих порядок дискурса клиента, к объективации бессознательных содержаний психики и далее к производству новых смыслов и значений, а также к их иному – преобразующему – знаковому оформлению» (дисс., с. 97).*

Подчеркнем также эвристическую ценность утверждения диссертанта, согласно которому *«Закономерным является обращение психологов и психотерапевтов к художественным произведениям, поскольку в художественных материалах неспециалист может найти свою психологию. Концепты жизнь и смерть являются базовыми концептами, определяющими качество бытия человека. Присутствие смерти в жизни каждого человека преобразует её, освещая жизнь новым светом, поэтому игнорирование, изгнание смерти оборачивается обеднением самой жизни» (дисс., с. 122 – 123).*

Не менее значим в этом плане вывод, к которому пришел соискатель: *«Предельной целью психотерапии является достижение клиентом личностного здоровья. Жанровое поле психотерапевтического дискурса определяется соответствием данной интенции. Центр жанрового пространства, на наш взгляд, занимает психотерапевтическая сессия. Критерием отнесенности Интернет-рассылки как жанра к анализируемому типу общения является её психологическое содержание и функция – оказание психологической помощи. Однако данный текст располагается нами на периферии рассматриваемого дискурса, так как производителем текста выступает предельно обобщенный*

образ психотерапевта, клиентом которого является массовая аудитория, коллективная личность» (дисс., с. 134 – 135).

В целом диссертацию Н.В. Суминой характеризует стремление к концептуальной цельности, обоснованность и репрезентативность большинства выводов, последовательность в изложении материала. Многие суждения автора диссертации отличаются несомненной новизной, однако выделение и обоснование в качестве отдельного объекта исследования психотерапевтического дискурса в определенном отвлечении от лингвокультурной специфики неизбежно влечет появление дискуссионных моментов в работе, в связи с чем появляется возможность поставить перед уважаемым диссертантом вопросы, связанные с проблематикой обсуждаемой работы, а также отметить некоторые недочеты. Наши замечания, обусловленные задачами научного диалога, касаются в основном методологических аспектов и обоснования отдельных теоретических положений авторской концепции.

1) На наш взгляд, не вполне убедительным является избранное соискателем формулирование содержания главного теоретического конструкта – понятия «психотерапевтический дискурс» (дисс., с. 63).

Во-первых, определение данного дискурса как *речевой формы целенаправленного социального действия, функционирующей на межличностном уровне, ориентированной на субъекта и обладающей метафорическим и интерпретативным характером*, без конкретизации цели приложимо практически к любому дискурсу. С нашей точки зрения, именно целеполагание определяет возможность существования того или иного дискурса и как модели когнитивно-коммуникативного взаимодействия членов лингвокультурного сообщества, и как их дискурсивных практик, порождающих тексты определенной специфики.

Формулирование же цели психотерапевтического дискурса в первом выносимом на защиту положении редуцировано к деятельности агента данного дискурса, причем в одной из его разновидностей – профессионального психотерапевта, проводящего индивидуальные или групповые тренинги. В результате психотерапевтический дискурс понимается лишь как *«совокупность речевых актов, используемых в кабинете психотерапевта или в зале, где проходит психологический тренинг»* (дисс., с. 8). Данное положение побуждает соискателя дефинировать «широкое» понимание данного дискурса как *«набор определенных действий, ориентированных на изменение человека, а также речеактовые комплексы, сопровождающие процесс взаимодействия коммуникантов»* (дисс., с. 8), которое также приложимо к любому дискурсу.

Во-вторых, конститутивные признаки любого дискурса устанавливаются в современной дискурсологии по компонентам модели его структуры. Компоненты модели могут определять «внешний» контекст речевого общения: это традиционно выделяемые «сцена действия» и «участники». «Сцена действия» характеризует *среду*, в которой осуществляется речевое взаимодействие, и определяет, *зачем* оно происходит. Компонент «участники» отвечает на вопрос: *кто* совершает речевое взаимодействие, и характеризует субъектов речевого общения в социальном плане. «Внутренний» контекст составляют компонент «содержание», характеризующий актуализированное *когнитивное пространство* взаимодействующих людей; и компонент «текст», отвечающий на вопрос, *как* воплощается определенный тип когнитивно-коммуникативного взаимодействия (стратегии, тактики, речевые действия, языковые средства и приемы).

Соответственно, первый конститутивный признак – *«его содержание – диалог психотерапевта и клиента, повествующего о своих чувствах»* (дисс., с. 8), определен соискателем не совсем корректно, поскольку *содержание* данного дискурса составляют актуализированные концепты, указанные автором диссертации как пятый признак данного дискурса. Видоизменение «внешнего» контекста психотерапевтического дискурса (конкретный клиент или неопределенный массовый; контактное или разделенное в пространстве и времени взаимодействие), на наш взгляд, не лишают данный дискурс институциональности, а лишь характеризуют жанр интернет-рассылки как периферийный.

2) Как нам представляется, в силу тех же причин в предлагаемой диссертантом концепции неоправданно расширительно трактуется психотерапевтический дискурс. При этом следует, к сожалению, отметить, что в понятийно-терминологический аппарат диссертационного исследования не включено понятие «дискурсивное пространство» (в данном случае психотерапевтическое дискурсивное пространство, в которое могут входить тексты разных жанров других дискурсов: религиозного – исповедь, бытового – разговор по душам, художественного – тот же роман И. Ялома и т.д.), использование которого придало бы большую эвристическую ценность четвертому положению, вынесенному на защиту. Тезис о наличии сюжетов «душевного врачевания» в художественных произведениях не дает достаточных оснований для их рассмотрения в рамках психотерапевтического дискурса.

3) На наш взгляд, сложность и многоаспектность проведенного исследования детерминировали некоторое рассогласование между темой, объектом и предметом исследования, с одной стороны, и реальным содержанием и целью исследования, с другой: в теме, объекте и предмете акцент сделан на компонен-

те «форма» психотерапевтического дискурса – *семантические и прагматические характеристики психотерапевтического дискурса*, в то время как при формулировании цели исследования на первый план выходит описание его жанровой специфики, а в тексте диссертации значительное внимание уделяется компоненту «содержание» – концептуальным доминантам данного дискурса.

В итоге отметим: данные замечания и наблюдения, преимущественно методологического характера, ни в какой мере не могут повлиять на положительную оценку диссертации, признание ее высокого общетеоретического уровня, достоверности результатов и практической значимости. Цель диссертационного исследования достигнута, все поставленные задачи решены.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Семантические и прагматические характеристики психотерапевтического дискурса» представляет самостоятельную научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований предлагается решение проблемы, имеющей значение для развития лингвистического знания, и соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Сумина Наталья Владимировна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
(355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.(8652) 95-68-08,
info@ncfu.ru, <http://www.ncfu.ru>)

